

МЕРЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Лылин Игорь Николаевич

магистрант, Московский Финансово-юридический Университет МФЮА, РФ, г. Москва

MEASURES OF CIVIL LIABILITY FOR CORRUPTION OFFENSES

Igor Lylin

master's, Degree student, Moscow Finance and Law University MFUA, Russia, Moscow

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены гражданско-правовые санкции, предусмотренные действующим отечественным законодательством за совершение коррупционных правонарушений. Исследованы вопросы, касающиеся компенсационных мер, направленных на возмещение причиненного имущественного и морального вреда потерпевшим от коррупционной деятельности. Сделан вывод об актуальности взыскания имущества с третьих лиц, являющихся номинальными и фидуциарными собственниками имущества, приобретенного государственным служащим при реализации коррупционных схем. Предложено рассмотреть возможность увеличения сроков исковой давности по возмещению ущерба, возникшего вследствие коррупционных правонарушений, для усиления института защиты гражданских прав.

Abstract. In this article, the civil sanctions provided for by the current domestic legislation for the commission of corruption offenses are considered. The issues concerning compensatory measures aimed at compensation for property and moral damage caused to victims of corruption activities are investigated. The conclusion is made about the relevance of the recovery of property from third parties who are nominal and fiduciary owners of property acquired by a civil servant during the implementation of corruption schemes. It is proposed to consider the possibility of increasing the limitation period for compensation for damage caused as a result of corruption offenses in order to strengthen the institution of civil rights protection.

Ключевые слова: гражданско-правовые меры, ответственность, имущественный и моральный вред, компенсация.

Keywords: civil law measures, liability, property and moral damage, compensation.

Формирование и развитие имущественных отношений в России, усложнение механизмов их правового регулирования и регламентация объективно указывают на необходимость развития эффективной системы национального законодательства, опираясь на положительный международный опыт правового регулирования, для решения комплексных задач по реализации мер гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения.

Гражданское законодательство Российской Федерации основывается на неприкосновенности собственности, признании равенства участников регулируемых ими отношений недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Приобретение гражданами (физическими лицами) и юридическими лицами гражданских прав осуществляется исключительно по их воле. Ограничение их прав возможно только на основании федерального законодательства, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Следует отметить, что гражданско-правовые санкции изначально по своей сути не являются карательными мерами и не преследуют цели репрессивного воздействия на гражданина, допустившего правонарушение. В этой связи основная роль указанных выше санкций заключается в восстановлении справедливости и возмещении причиненного вреда (ущерба) физическому или юридическому лицу.

В рамках неукоснительного выполнения режима прав и свобод гражданина, законности и правопорядка, предполагается, что гражданско-правовые санкции могут быть применены только при условии, когда правонарушитель установлен и его вина доказана в судебном порядке (судебное решение вступило в законную силу). Наряду с этим следует обратить внимание на то, что практика противодействия взяточничеству опирается именно на уголовное право.

Применение норм ст. 20 Конвенции ООН [1], реализуемых в том числе в Российской Федерации, предполагает возможность принятия государствами-участниками законодательных мер для признания в качестве уголовно-наказуемого деяния, совершенного умышленно с целью незаконного обогащения, т.е. когда расходы значительно превышают фактические доходы должностного лица, не способного разумно обосновать сложившуюся ситуацию.

В этой связи возникает ряд вопросов, так как данная норма предполагает использование механизма объективного вменения вины в уголовном процессе через гражданско-правовой, имущественный статус должностного лица, а также его близких родственников. Из этого следует, что само имущество, являющееся собственностью, может быть достаточным доказательством вины в уголовном процессе. В таком случае, создаётся прецедент пренебрежения фундаментальной значимости презумпции невиновности, а гражданскому праву отводится роль вспомогательного звена в выполнении задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Сложно согласиться с подобным рода подходом, не смотря на возрастающую общественную опасность от коррупционных правонарушений и формирования ее новых форм. В этой связи российским законодателем был определен иной, более предпочтительный подход в гражданском законодательстве, которое в соответствии п.п. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ [2] закрепило правило об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы по законодательству о противодействии коррупции. При этом отсутствие гармоничного и согласованного механизма гражданско-правовых средств противодействия коррупционным правонарушениям является значимым пробелом в российском законодательстве. В частности, отсутствуют специальные нормы, свидетельствующие о недействительности коррупционных сделок, учитывающих их состав и последствия, а также нормы, позволяющие установить потерпевшего от коррупционного правонарушения.

Понятийный аппарат, касающийся коррупционной сделки и её последствий, имеет различное толкование и не имеет единого, устоявшегося понятия, сформулированного на основе научных изысканий. Квалификация коррупционных сделок по ст. 169 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности», не достигает конечной цели, так как ее нормы носят оценочный характер и могут неоднозначно трактоваться участниками гражданского оборота и

правоприменительной практики. К тому же данная статья предусматривает общее имущественное последствие – двустороннюю реституцию.

Таким образом норма данной статьи относится к категории общих, имеющих широкий спектр для использования – являясь по сути «каучуковой» нормой [3, с. 281], использование которой создает условия для обеспечения и восстановления баланса права и законных интересов, при выявлении сделок, действия по которым совершались с противоправной целью. При этом оценить подобные действия заранее затруднительно.

В этой связи, полагаю, что нарастающие вопросы по данному гражданско-правовому направлению позволяют сделать вывод о необходимости включения в ГК РФ разъяснений о недействительности коррупционной сделки на основе специальных состава и правил. Кроме того, при внесении ясности в вопрос, касающийся круга лиц, имущество которых может быть обращено в доход Российской Федерации, практическое применение п.п. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ являлось бы очевидным и значимым, поскольку была бы устранена неопределенность формы и вида судопроизводства, позволяющего обращать такое имущество в доход государства. Данная норма отличительна ярко выраженной спецификой, поскольку порождает лишь предположения, так как отсутствие доказательств о законном приобретении имущества, с учетом фактических официальных доходов, не образуют правонарушение или преступление. Исходя из этого, требуют совершенствования вопросы, касающиеся установления специальных правовых последствий недействительности коррупционной сделки в виде односторонней реституции и компенсации.

При этом расширение перечня оснований для прекращения права собственности на имущество, в отношении которого не представлены доказательства его законного приобретения, представляется излишним. При наличии дополнений в ГК РФ, в части задачи обращения взыскания в доход государства имущества, приобретенного на незаконные доходы, можно в полной мере использовать инструментарий, касающийся неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ).

В тоже время, предусмотренный законодателем гражданско-правовой механизм не может быть ограничен составами недействительности коррупционных сделок. В этом случае полагал бы целесообразным дополнительно использовать возможности гражданского права, регламентирующего односторонний отказ от договора, предусмотренного ст. 450.1 ГК РФ, с позиции его экономической невыгодности, установленной в ходе контрольных и ревизионных мероприятий, проводимых в отношении органа власти и должностных лиц.

Однако, отказ от договора в одностороннем порядке должен учитывать совокупность обстоятельств недействительности сделок, без ссылок на приговор суда по делу о коррупционном преступлении, как основу доказательства. В этой связи необходимо принимать во внимание то, что зачастую на практике заключались «липовые» договора с целью легализации денежных средств или т.н. «откатные» договора по завышенным ценам, особенно в сфере государственных закупок.

В свою очередь односторонний отказ от договора, коррелируемый с требованиями о возмещении незаконного получения денежных средств, позволяет воспользоваться возможностью привлечения возмещенных в бюджет денежных средств для их дальнейшего целевого расходования. На ряду с рассматриваемыми вопросам следует также обратить внимание на нематериальные блага, которые также защищаются гражданским законодательством (пункт 2 ст. 2 ГК РФ), при этом к указанной категории благ относится доброе имя и деловая репутация (ст.150 ГК РФ).

В соответствии со сложившейся судебной практикой выработан единый подход относительно компенсации репутационного (нематериального) вреда, т.е. сформированного в обществе негативного мнения о существующем субъекте в определенной области его деятельности, причиненного действием (бездействием), нарушающим неимущественные права юридического лица (постановление ФАС Московского округа от 30 марта 2005 года № КГ-А40/1052-05 [4]; постановление Президиума ВАС РФ от 17 июля 2012 года № 17528/11 [5]).

Так, репутационный (нематериальный) вред возмещается по правилам главы 59 ГК РФ

«Обязательства вследствие причинения вреда» с обязательным доказыванием общих условий вне договорной (деликтной) ответственности, касающейся наличия вины ответчика, с учетом наступления неблагоприятных последствий для истца.

В целях минимизации рисков возникновения репутационного вреда существенное значение имеет профилактическая мера по установлению этических норм и правил служебного поведения работников, участвующих в гражданском обороте юридических лиц, в рамках их профессиональной деятельности, в целях создания условий для укрепления авторитета и повышения к ним доверия, как элемента, способствующего предупреждению коррупции. Реализовать указанные нормы и правила можно путем формирования внутреннего документа (регламента) юридического лица, определяющего порядок взаимодействия с контрагентами, конкурирующими организациями, представителями органов власти и управления, а также для реализации предупредительных мер по недопущению коррупционных схем. Учредители (участники) юридического лица вправе утвердить регламентирующие корпоративные отношения (п. 5 ст. 52 ГК РФ) в форме внутреннего регламента с отражением положений, не противоречащих учредительному документу юридического лица.

С позиции предпринимательской деятельности является очевидным, что незаконные действия (бездействия), допущенные должностными лицами, влекут убытки в виде дополнительных расходов и недополученных доходов, а также репутационный вред.

В качестве ответной и защитной меры законодатель обязал (ст. 16 ГК РФ) субъектов Российской Федерации или муниципальных образований возмещать убытки гражданину или юридическому лицу от незаконных действий должностных лиц. При этом возмещение вреда должно осуществляться из государственной казны и доводы об отсутствии в бюджете денежных средств не являются для суда состоятельными.

Однако, следует отметить, что в гражданском праве также предусмотрен порядок регресса к должностному лицу (п. 3 ст. 1081 ГК РФ), при условии полученных и подтвержденных доказательств совершения им противоправных, коррупционных действий, в рамках вступившего в силу судебного решения. Указанная процедура позволяет публично-правовому образованию рассмотреть вопрос о взыскании сумм уплаченных убытков с должностного лица, являющегося виновным работником данного образования, в следствие нарушения им прав и законных интересов субъектов гражданского оборота в сфере предпринимательской деятельности и иной экономической деятельности.

Подобная мера порождает серьезное имущественное обременение должностного лица, вина которого в совершении противоправных действия (бездействия) доказана, являясь мерой превентивного характера, позволяющей обеспечить восстановление нарушенных гражданских прав участников гражданского оборота. Наиболее уязвимой сферой деятельности, сопряженной с возникновением существенных убытков, возникающих от деятельности должностных лиц, является сфера закупок. К сожалению, велик соблазн решения вопросов должностными лицами заказчиков с учетом личной заинтересованности, исходя из возможности оказания влияния на результаты проведения торгов. Эти возможности «подогреваются» потенциальными исполнителями, подрядчиками и поставщиками, целью которых является получение выгодных контрактов, не пренебрегая стимулированием должностных лиц, в том числе посредством дачи взятки. При этом нередко должностные лица допускают проведение переговоров о заключении контрактов с иными лицами, не ставшими победителями торгов, заведомо не имея намерения о продвижении данного претендента и подписания с ним каких-либо соглашений, и договоров.

В этой связи, при условии доказывания обстоятельств заинтересованности со стороны должностного лица, являющегося представителем государственных структур и действующего от их имени, возникает реальная возможность его привлечения к ответственности в форме возмещения расходов, понесённых вследствие недобросовестных переговоров (в случае необоснованного определения победителя торгов), а также убытков, возникших из-за утраты возможности заключения договора (контракта) с третьим лицом. Данная мера имеет серьезный потенциал и может реализовываться на практике в качестве превентивной меры, способствующей исключению коррупционного поведения должностного лица, действующего от имени государственных структур, при проведении закупочных процедур и участия в

торгах.

Кроме того, при нарушении правил проведения торгов, их результаты по иску заинтересованного лица могут признаваться недействительными, при условии искомое требование подано не позже одного года с даты проведения торгов. В свою очередь признание судом недействительности торгов является следствием того, что заключенный договор становится не действительным с лицом, ставшим победителем торгов, и влечет применение последствий, предусмотренных ст. 167 ГК РФ. Но эти последствия не позволяют решать задачи, в части компенсационных мер, а также восстановления и защиты прав потенциальных подрядчиков, исполнителей или поставщиков, участвующих в торгах. Вместе с тем, гражданским законодательством (глава 59 ГК РФ) предусмотрен и применяется универсальный способ защиты гражданских прав, который может использоваться применительно к рассматриваемой выше ситуации.

Так, согласно ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. К тому же в соответствии со ст. 15 ГК РФ убытки включают в себя, как реальный ущерб, так упущенную выгоду потерпевшей стороны. При этом если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

Применение указанных положений гражданского законодательства позволяет истребовать у должностных лиц, допустивших коррупционное нарушение, послужившее основанием для признания торгов недействительными, возмещения вреда, исходя из размера, не меньшего чем доход, полученный указанными лицами при совершении такого правонарушения.

Ранее уже отмечалось, что ГК РФ при наличии определённых условий, содержит механизм реализации гражданско-правовых средств, имеющие потенциал их использования для противодействия коррупционному поведению. Относимость к указанным средствам прослеживается в диспозиции ст. 1102 ГК РФ, обязывающей возврат имущества, приобретенного незаконным путем за счет другого лица (потерпевшего), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ.

При этом следует отметить, что правила, содержащиеся в главе 59 ГК РФ, используются без учета обстоятельств неосновательного обогащения. Эти же правила распространяются и к требованиям о возмещении вреда, в том числе возникшего вследствие неправомерного поведения обогатившегося лица, так как иного ГК РФ не установлено.

Рассматривая указанную тематику, становится очевидным необходимость применения ст. 1102 ГК РФ, отражающей понятие «неосновательное обогащение», в случае получения должностным лицом незаконных денежных средств, как результата коррупционного правонарушения.

Данный подход создает возможность возврата государственными структурами имущества, приобретенного в результате коррупционного правонарушения, в обход требований правил, установленных законом или иными нормативными правовыми актами. Вместе с тем, не редко должностным лицом, совершающим коррупционные действия, на преступно нажитые средства приобретает имущество на подставных лиц, включая родственников или доверенных лиц, либо объекты совместной собственности, что усложняет задачу законодателю по противодействию подобным противоправным действиям. Полагаю, что для решения этой не простой задачи было бы целесообразно дополнить ГК РФ нормами о возможности разделения имущества, находящегося в долевой или совместной собственности, с учетом требования законодательства, без соглашения собственников. При этом выплата компенсации собственнику в счет прекращения права на имущество должна в обязательном порядке осуществляться под контролем прокуратуры, а решение суда, вступившее в законную силу, должно являться обязательным условием для прекращения права общей собственности и установлением размера нанесённого ущерба, возникшего в следствие коррупционного правонарушения. В этой связи требуется детальная проработка гражданского законодательства, относительно правовых последствий, определяющих приемлемые варианты

использования имущества, приобретенного неправомерным путем, после доказывания фактического права собственности.

Следует обратить внимание также на то, что в соответствии со ст.11 ГК РФ защита нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляется в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд. В свою очередь судебная защита выступает в качестве универсального способа защиты права (Постановление Конституционного суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П) [6].

В соответствии со ст. 7 Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию [7] – срок исковой давности в судопроизводстве по возмещению ущерба составляет не менее 3-х лет со дня, когда лицу, понесшему ущерб, стало известно или исходя из здравого смысла должно было стать известно о возникновении или о совершенном акте коррупции. В то же время сроки подачи указанного иска ограничены и не должны превышать 10-ти лет с момента совершения коррупционного деяния.

Принимая во внимание серьезность негативных последствий от коррупционных действий полагаю бы рассмотреть возможность увеличения сроков исковой давности по возмещению ущерба, возникшего вследствие коррупционных правонарушений, для усиления института защиты гражданских прав.

Список литературы:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021)
3. Иванов С.Б., Хабриева Т.Я., Чиханчин Ю.А. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2017., 281-282 с.
4. Постановление ФАС Московского округа от 30 марта 2005 года № КГ-А40/1052-05, по иску ОАО «Альфа-Банк» к ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом» о защите деловой репутации.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 17 июля 2012 года № 17528/11 по делу N А45-22134/2010. Требование: О взыскании убытков, упущенной выгоды, возмещении морального вреда, причиненного умалением деловой репутации юридического лица.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 N 20-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и статьи 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.
7. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS N 174, заключена в г. Страсбурге 04.11.1999).